

Эрнест Карлович Ватсон

Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность

Жизнь замечательных людей

Эрнест Ватсон

**Артур Шопенгауэр. Его жизнь
и научная деятельность**

«Public Domain»

1891

Ватсон Э. К.

Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность
/ Э. К. Ватсон — «Public Domain», 1891 — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эрнест Карлович Ватсон

Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность

ВВЕДЕНИЕ

Артур Шопенгауэр, один из оригинальнейших и замечательнейших мыслителей девятнадцатого столетия, стал известен и знаменит, собственно говоря, только после своей смерти. При жизни профессиональные ученые и философы преднамеренно замалчивали его, а масса публики, по самому характеру и роду деятельности Шопенгауэра, не могла питать особого интереса к его творениям. Лишь несколько лет спустя после его смерти, с конца шестидесятых годов, интерес к его творениям и к его учению начинает проявляться не только на родине, в Германии, но и во Франции, и у нас в России. Считаю нелишним привести здесь интересную выдержку из появившегося лишь несколько месяцев тому назад в печати письма Л. Н. Толстого к А. А. Фету, от 30 августа 1869 года (напечатано в “Русском обозрении”, май, 1890 года, в статье: “В. П. Боткин, И. С. Тургенев и граф Л. Н. Толстой. Из воспоминаний А. А. Фета”). Вот что писал Л. Н. Толстой:

“Знаете ли, что было для меня настоящее лето? – Непрестанный восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения, и читал, и читаю (прочел и Канта). И, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь много не узнал, как я в нынешнее лето. Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр – гениальнейший из людей. Вы говорите, что он так себе, кое-что писал о философских предметах. Как кое-что? Это весь мир в невероятно ясном и красивом отражении. Я начал переводить его. Не возьметесь ли и вы за перевод его? Мы бы издали вместе. Читая его, мне непостижимо, каким образом может оставаться его имя неизвестным? Объяснение только одно – то самое, которое он так часто повторяет, – что “кроме идиотов, на свете почти никого нет...”

14 февраля 1888 года московское психологическое общество чествовало в торжественном собрании, в актовом зале московского университета, столетнюю годовщину рождения “одного из самых крупных германских мыслителей нынешнего века, Артура Шопенгауэра”, причем товарищ председателя общества, профессор Н. А. Зверев, сообщил важнейшие данные о жизни Шопенгауэра, а три других оратора, члены общества, произнесли речи о значении его философии. Впоследствии эти речи были изданы в одном общем сборнике, с присоединением к ним более подробного биографического этюда о Шопенгауэре, составленного членом означенного общества В. И. Штейном.

С широким распространением в конце семидесятых годов пессимистической философии как в Западной Европе, так и у нас, началось и более близкое ознакомление с Шопенгауэром и с его учением. В 1881 году переведено было на русский язык главное сочинение Шопенгауэра “Мир как воля и представление”, а в 1886 году – его же сочинения: “О четверояком корне закона достаточного основания” и “О воле в природе” (оба перевода принадлежат А. А. Фету, исполнившему, таким образом, совет, данный ему еще в 1869 году графом Л. Н. Толстым; к первому из этих переводов приложено предисловие Н. Н. Страхова). Переведены также шопенгауэровские “Афоризмы и максимы” и “Основные задачи этики”, по своей сравнительной популярности получившие более широкое распространение в обществе.

О жизни Шопенгауэра до самого последнего времени было известно лишь очень немного. Все его биографы единогласно признают, что чрезвычайно трудно, даже почти

невозможно написать сколько-нибудь обстоятельную биографию его, – во-первых, потому, что он, подобно, например, Декарту, вел жизнь очень замкнутую и уединенную, а во-вторых, – потому, что для его биографии до последнего времени почти вовсе не было сколько-нибудь подходящих источников. Сам Шопенгауэр относился крайне несочувственно к стараниям биографов собрать заблаговременно материалы для будущих жизнеописаний замечательных в каком-либо отношении людей, а к автобиографиям он питал положительную антипатию. Присланная им, по просьбе редакции Мейеровского “Conversations-Lexicon”, автобиографическая заметка, – напечатанная в первом выпуске “Трудов Московского психологического общества” и помеченная 28 мая 1851 года – занимает буквально не более 64 строк разгонистого шрифта.

ГЛАВА I

Предки Шопенгауэра. – Родители его. – Характеристика отца и матери Шопенгауэра. – Детские годы Шопенгауэра. – Воспоминания его. – Многочисленные странствования его в детстве и отрочестве. – Шопенгауэр не желает сделаться купцом. – Смерть Шопенгауэра-отца

Большей частью случается так, что интерес к родителям и прародителям людей, сделавшихся знаменитыми в какой-либо области человеческой деятельности, возникает лишь тогда, когда жизнь этих прародителей успела уже в значительной мере окутаться туманом прошлого. Однако относительно предков и родителей Шопенгауэра этого нельзя сказать.

С отцовской стороны Артур Шопенгауэр является отпрыском довольно знатного данцигского семейства. Уже прадед его, Андрей Шопенгауэр, имел честь, в качестве одного из самых зажиточных и уважаемых граждан Данцига, принимать у себя в доме Петра Великого и супругу его, Екатерину, во время путешествия их по Германии. Сын Андрея Шопенгауэра, дед Артура, Иоанн-Фридрих Шопенгауэр, значительно приумножил благосостояние семейства; проживал же он большею частью не в Данциге, а по соседству с городом, на своей вилле близ местечка Ора. Бабка Артура, Рената, рожденная Сэрманс, также принадлежала к знатному семейству; после смерти мужа над ней и над ее старшим сыном, Андреем-Михаилом Шопенгауэром, была учреждена опека, так как у них обоих обнаружилось расстройство умственных способностей. Младший сын ее Генрих-Флорис Шопенгауэр, отец Артура, в молодости своей много путешествовал, а впоследствии унаследовал большую часть состояния своего отца и деда, и с честью поддерживал репутацию своего семейства.

Генрих-Флорис Шопенгауэр был человеком среднего роста, крепко сложенным, широколицым, как и сын его, ставший впоследствии знаменитым. Несмотря на то, что по происхождению своему он принадлежал к местным патрициям и аристократам, отец Артура был проникнут идеями справедливости и свободы, что стяжало ему расположение и любовь его сограждан. Бесстрашие, прямота и откровенность составляли отличительные черты его характера; но, вместе с тем, это был человек чрезвычайно вспыльчивый и упрямый. Биограф Артура Шопенгауэра приводит следующий интересный эпизод, характеризующий решительность и прямолинейность отца его, стяжавший ему в еще большей мере уважение и расположение сограждан. Данциг, как известно, до конца восемнадцатого столетия составлял одну из ганзейских республик, окруженную со всех сторон владениями Польши. Когда, после первого раздела Польши, Фридрих Великий задумал присоединить и этот город, вместе с отошедшею в его владение частью нынешней западно-прусской провинции, к Прусскому королевству, граждане старинной ганзейской республики отказались признать владычество Пруссии и решили не впускать пруссаков в город, вследствие чего прусские войска обложили Данциг с суши и прекратили подвоз к нему съестных припасов. Командир блокирующего корпуса поселился на вилле Шопенгауэра. В виде награды за оказанное ему здесь, хотя и вынужденное, гостеприимство, он велел предложить владельцу пропуск в город фуража для находившихся там лошадей Генриха-Флориса Шопенгауэра; но тот велел поблагодарить генерала и объявить ему, что у него пока еще достаточно фуража, когда же фураж этот весь выйдет, он велит зарезать своих лошадей. Эту свою горячую любовь к независимости родного города Флорис выражал не только на словах, но и на деле: он отклонил сделанное ему прусским королем предложение поселиться в Пруссии, и когда в 1793 году присоединение Данцига к Пруссии было окончательно решено, он в течение 24 часов ликви-

дировал все свои дела в Данциге, – что не могло совершиться без чувствительных потерь, – и переселился в ганзейскую республику Гамбург.

Генрих-Флорис Шопенгауэр был не только горячим патриотом и ловким коммерсантом, но и человеком многосторонне образованным. Во время своих частых деловых поездок в Англию и Францию он успел довольно основательно ознакомиться с литературой этих стран; любимым его автором был Вольтер. Государственный и семейный строй Англии до того нравился ему, что он даже некоторое время помышлял о том, чтобы совсем переселиться в эту страну. Хотя этот план ему и не удался, но он устроил свой дом совершенно на английский лад и не только сам ежедневно прочитывал от корки до корки “Times”, но и заставлял сына своего с самых ранних лет читать эту газету.

Тридцати восьми лет от роду Генрих-Флорис Шопенгауэр женился на восемнадцатилетней Анне-Генриетте Трозинер, дочери уважаемого, хотя и небогатого, данцигского ратмана. Это была небольшого роста, грациозная, голубоглазая, светло-русая девушка. Образование она получила довольно поверхностное, как и все тогдашние молодые девушки не только среднего, но и высшего круга; но природный ум и остроумие отчасти дополняли недостаток образования. Домовитой хозяйкой она не сделалась за всю свою жизнь. Она сама откровенно сознавалась, что не питает никакой страстной любви к бывшему в то время более чем вдвое старше ее жениху своему, да тот и не претендовал на такую любовь; она прямо говорила, что выходила замуж за Генриха-Флориса Шопенгауэра в расчете на более блестящую обстановку и жизнь, чем та, какую она находила в родительском доме. Биографы Артура Шопенгауэра подчеркивают то обстоятельство, что автор “Мира как воля и представление” обязан своим происхождением не браку по любви. Недостаточное образование, полученное ею в родительском доме, она отчасти пополнила впоследствии, в течение многих лет сожителства с умным и образованным мужем. В этом отношении большим подспорьем ей служила прекрасная библиотека мужа, изобиловавшая лучшими тогдашними английскими и французскими книгами, причем в этом усиленном чтении она нашла дельного руководителя в лице друга своего детства, англиканского пастора в Данциге, Джемсона. Тотчас же после свадьбы она предприняла большое путешествие со своим мужем, имевшим прирожденную страсть к передвижениям. Они проехали через Берлин, Ганновер и Пирмонт во Франкфурт-на-Майне, который, по ее словам, очень напомнил ей богатый и свободный родной город ее Данциг, а оттуда, через Бельгию и Париж, в Англию. Здесь, по желанию Генриха-Флориса, они предполагали пробыть подольше, для того, чтобы первенец их, появления которого на свет ожидали супруги, родился именно в возлюбленной его Англии и тем как бы приобрел прирожденные права английского гражданства. Однако обстоятельства заставили их отказаться от этого плана, и они, после весьма затруднительного путешествия, прибыли в Данциг, где несколько дней спустя, 22 февраля 1788 года, родился старший их сын, которому, при последовавшем 3 марта того же года крещении, дано было имя Артур. Это имя было избрано Генрихом Шопенгауэром потому, что оно не носит специально немецкого оттенка и произносится почти совершенно одинаково на других языках: французском и английском.

Отец Артура Шопенгауэра, уроженец и гражданин вольного ганзейского города Данцига, как мы видели выше, всегда отличался свободолобивыми наклонностями и симпатией к Франции. Великая французская революция, вспыхнувшая год с небольшим спустя после рождения будущего знаменитого философа, еще более усилила эти наклонности и симпатии. Когда Артуру было 5 лет от роду, в 1793 году, вольный город Данциг снова подвергся блокаде со стороны королевских прусских войск, и местные патриоты утратили всякую надежду на сохранение своего республиканского строя. Тогда Генрих-Флорис Шопенгауэр решился совершенно выселиться из родного города, и в марте этого года, за несколько часов до вступления в Данциг пруссаков, родители его выехали со всем своим семейством из Данцига и

направились через принадлежавшую в то время Швеции Померанию в вольный город Гамбург. Здесь перед образованной зажиточной четой раскрылись двери лучших домов; к этому периоду относится знакомство их с Клопштоком, фельдмаршалом Калькрейтом, Нельсоном, леди Гамильтон и другими. Но с переселением из родного города страсть четы Шопенгауэр к передвижениям, кажется, еще более усилилась, и во время своего двенадцатилетнего пребывания в Гамбурге они предпринимали целый ряд более или менее отдаленных путешествий. Одною из целей этих частых путешествий было также желание Шопенгауэра-отца содействовать всестороннему развитию Артура, и впоследствии философ с благодарностью вспоминал об этом, не без основания сопоставляя свое многостороннее, отчасти благодаря этим путешествиям, развитие с односторонним развитием большинства немецких ученых. Девятилетним мальчиком он сопровождал отца своего во Францию, причем отец оставил его на два года у своего хорошего знакомого, гаврского купца Грегуара, с сыном которого маленький Артур обучался у лучших учителей этого города. Здесь он провел самую счастливую пору своего детства и совершенно офранцузился, чего и желал его отец, от всей души ненавидевший немецкое филистерство. Когда Артур совершенно один возвратился морем из Гавра в Гамбург, то оказалось, что он почти совсем разучился говорить по-немецки. И ему стоило некоторых усилий снова привыкать к родной речи. Одиннадцати лет от роду он поступил в частную гимназию некоего Рунге, в которой воспитывались сыновья самых знатных граждан; но, так как программа этого училища охватывала преимущественно коммерческую сторону, вследствие чего большая часть воспитанников были дети коммерсантов, то первоначальное образование Шопенгауэра оказалось довольно односторонним. Так, например, латинскому языку, которому Артур начал учиться еще в Гавре, он, по его собственным словам, основательно выучился, и притом в течение полугода, лишь в девятнадцать лет.

Мы говорили уже выше, что отец Шопенгауэра желал сделать из него купца; но, к великому огорчению представителя старинной данцигской торговой фирмы, Артур не выказывал к этому ни малейшей склонности; в нем рано сказалась пламенная любовь к отвлеченной науке. Долгое время Генрих-Флорис противился просьбам сына. Чтобы отвлечь Артура от мысли о поступлении в гимназию, он предложил ему сопровождать его во время нового путешествия, предпринятого им вместе с женой весной 1803 года в Бельгию, Англию, Францию, Швейцарию и Южную Германию. Впоследствии сам Шопенгауэр выражал глубокое сожаление по поводу того, что столько драгоценного для школьного образования времени пропало у него почти даром на интересные, но все же не способные дать солидного образования, скитания по белу свету. Впрочем, со свойственной ему энергией он не преминул наверстать потерянное время усиленными трудами. В Англии они пробыли около полугода. Чтобы не останавливать совсем школьного образования сына, родители, отправившись сами путешествовать в Северную Англию и в Шотландию, поместили его в дом одного пастора в Уимблдоне, близ Лондона. Здесь он положил основание солидному знакомству с языком народа, который, наравне с французами, был ему особенно симпатичен.

В этой школе, наряду с общеобразовательными предметами, обращалось серьезное внимание и на изящные искусства: игру на флейте, пение, рисование, верховую езду, фехтование и танцы. Однако живой и избалованный юноша, впервые разобщенный с семьей, не имея подле себя никого близкого и предоставленный самому себе, жалуется в письмах к родителям на отсутствие развлечений. На это мать отвечала ему: «Рисование, книги, музыка, фехтование и прогулки верхом представляют достаточное развлечение. Твоему возрасту, собственно, и не пристали более шумные развлечения. Для того чтобы пользоваться последними, нужно сначала научиться жить, ты же пока к этому только подготавливаешься»... В другом письме она советовала ему меньше заниматься шиллеровскими трагедиями и драмами, а больше читать по-английски. «Я желаю, — писала она, — чтобы ты всех поэтов вообще и каждого из них в отдельности отложил покуда в сторону и остановился на более серьез-

ном чтении... Тебе всего 15 лет, ты уже прочел и изучил лучших немецких, французских и английских поэтов, а между тем, за исключением тех книг, с которыми для тебя обязательно было знакомиться в учебные часы, для удовлетворения требованиям г. Рунге, да за исключением еще нескольких романов, ты совершенно незнаком с прозаическими сочинениями, историей, например... Чувство прекрасного на этом свете, каков он есть, не может служить нам руководящей нитью, и я желала бы видеть в тебе что угодно, только не так называемого “bel esprit” [острослова (*фр.*)]. С другой стороны, отец Артура, отчасти соглашаясь с тем, что сыну его жизнь в Уимблдоне не могла казаться особенно приятной, и разрешая ему для развлечения ездить каждую неделю в Лондон, скорбел... о дурном почерке своего сына и настойчиво убеждал его постараться исправить почерк. Подобные советы давались, очевидно, ввиду желания старого негоцианта когда-нибудь увидеть своего сына серьезно посвятившим себя торговым занятиям. Шопенгауэр, которому в это время было всего 15 лет от роду, самым решительным и даже резким образом восставал против английского ханжества, которое, как он писал своей матери, “заставляет его по праздникам и воскресеньям слоняться без всякого дела и вселяет желание, чтобы истина, наконец, своим факелом осветила египетскую тьму, царствующую в Англии”. На это мать довольно зло напоминала ему, что прежде ей “приходилось воевать с ним, когда по воскресеньям и праздникам. Артур не хотел приниматься ни за что путное, ссылаясь на то, что это – дни отдыха; теперь же вдруг он оказался пресыщен праздничным отдыхом”. Вообще, у юноши, вернее даже, у отрока проявляется серьезность не по годам. Так, например, он пишет родителям, что “осмотр Вестминстерского аббатства дал ему бесконечный материал для размышлений”. “Видя в этих готических стенах останки и гробницы поэтов, героев и королей так, как их собрали вместе протекавшие времена, задаешься вопросом, действительно ли они находятся в общении там, где их не разделяют ни кастовые рамки, ни понятия времени и места, и спрашиваешь, что же именно и по сколько в загробном мире сохранил каждый из блеска и величия, доставшихся им в удел на земле? Короли покинули свои венцы и скипетры, поэты – славу; но из них истинно великие умом, блиставшие внутренними дарованиями, и в загробном мире сохранили все, чем пользовались здесь”.

Из Англии Шопенгауэры через Голландию и Бельгию проехали в Париж, где они оставались более двух месяцев. Здесь они, пользуясь своими связями, имели случай познакомиться со многими из тогдашних выдающихся людей Франции, начиная с первого консула, Наполеона Бонапарта, и изучить все парижские достопримечательности. Игра знаменитого актера Тальмы не произвела особого впечатления на молодого Шопенгауэра, но зато ему очень понравились маленькие комедии и комическая опера. “Французский язык и французские актеры, – писал он, – как будто нарочно созданы для этого рода пьес; но к декламации французских трагиков, жестокой и ненатуральной, я едва ли когда-нибудь привыкну”. Шопенгауэр и впоследствии к французским стихам и декламации относился неодобрительно, но французский прозаический стиль всегда восхвалял, в противоположность немецкой напыщенности слога. Что касается самих французов, с которыми Шопенгауэр, начиная с детства, имел многочисленные случаи ознакомиться, то он признавал их народом живым и веселым, но чувственным и самым легкомысленным из всех европейских народов, и вследствие этого своего темперамента французы не могли быть особенно симпатичны серьезному уму Шопенгауэра. И действительно, в сочинениях его нередко встречаются довольно резкие отзывы о французах. Так, например, в своих “Parerga” он говорит: “Другие части света создали обезьян, Европа же – французов. Одно стоит другого”. Далее он порицает у французов чрезмерную заботу о чужом мнении, способствующую будто бы развитию нелепого честолюбия, смешного национального тщеславия и противного хвастовства. Благодаря этому сами стремления французов получают такую неустойчивость, что служат предметом острот и насмешек для других народов”.

В начале января 1804 года семейство Шопенгауэров направилось через Орлеан, Тур, Ангулем, Бордо и южную Францию в Гиер. Развалины римского амфитеатра в Ниме произвели на молодого Шопенгауэра очень сильное впечатление, граничившее с благоговением. В Тулоне он выходил из себя по поводу судьбы заключенных в нем каторжников. В Лионе он вспоминает о множестве лиц, погибших в этом городе на эшафоте во время господства здесь террора, и удивляется тому, что «лионцы теперь как ни в чем не бывало разгуливают по тем самым местам, где лет десять тому назад друзья их и родственники расставлялись рядами и расстреливались картечью». «Неужели, – восклицает он, – воображение им не рисует кровавого зрелища родственников, погибающих в муках! Можно ли поверить, что современные лионцы, проезжая через площадь, хладнокровно рассказывают, как здесь, на этом самом месте, были казнены их друзья? Поистине непонятно, как сила времени притупляет живые и ужасные впечатления».

Из Франции Шопенгауэры отправились в Швейцарию. Вид швейцарских Альп произвел на Артура весьма сильное впечатление, и он умолял отца позволить ему остаться подольше в Шамуни; даже под старость он приходил в волнение, когда ему приходилось говорить о Монблане. Между прочим, он сравнивает пасмурное настроение высокоодаренных умов с Монбланом, вершина которого обыкновенно закрыта бывает облаками; но, «когда порою, особенно ранним утром, облачная завеса разорвется и вершина горы, окрашенная пурпуром солнечного восхода, покажется через облака в Шамуни, тогда всякое сердце заликует. Так и в гении, большею частью меланхоличном, своеобразное веселие, истекающее от совершенной объективности ума и возможное только для гения, кладет на его высокое чело сияние». Но если Шопенгауэр пришел в восторг от швейцарской природы, то сами швейцарцы ему очень не понравились, и эта нелюбовь к ним, родившаяся еще в отрочестве, сохранилась в нем на всю жизнь.

Через Швабию и Баварию Шопенгауэры направлись в Австрию, где их задержали на границе целую неделю вследствие какой-то неисправности в их паспорте: это путешествие с большим юмором описано молодым Шопенгауэром. Осмотрев Вену и Пресбург, путешественники направлись через Моравию, Богемию, Силезию и Саксонию в Берлин. Отсюда Шопенгауэр-отец отправился по делам в Гамбург, а Артур с матерью – в Данциг. Здесь осенью 1804 года, шестнадцати с половиной лет от роду, он был конфирмован в той же церкви святой Марии, в которой его в 1788 году крестили. В декабре того же года он вернулся в Гамбург. Хорошо ознакомившись во время своих странствий по Франции и Англии с французским и английским языками и позанимавшись, по желанию отца, каллиграфией, он в январе 1805 года, опять-таки по особому желанию отца, поступил в торговую контору гамбургского коммерсанта и сенатора Иениша. Но уже несколько месяцев спустя – весной 1805 года – скоропостижно умер отец Артура: он упал из окна чердака в глубокий канал и утонул. Ходили слухи, будто, сделавшийся в последние годы своей жизни чрезвычайно раздражительным, особенно вследствие усилившейся с годами глухоты своей, Генрих-Флорис Шопенгауэр преднамеренно бросился в канал; другие утверждали, что Шопенгауэр-отец лишил себя жизни в припадке умопомешательства, наследственного в его семействе (действительно, в нескольких поколениях семьи Шопенгауэр встречается не один случай умопомешательства); третьи же видели в смерти Генриха-Флориса просто несчастный случай. Как бы то ни было, но смерть отца произвела на Артура сильное, удручающее впечатление. Хотя последний по натуре своей был далек от всякой чувствительности и сентиментальности, однако он до глубокой старости в разговоре с друзьями отзывался об отце с величайшей теплотой. После смерти Артура Шопенгауэра между рукописями его было найдено написанное им еще в 1821 году, но в то время не напечатанное, посвящение памяти отца второго издания его знаменитой книги «Мир как воля и представление». Вот это посвящение:

“Благородный, благотельный ум, которому я всецело обязан тем, чем я стал. Твоя попечительная предусмотрительность охраняла и лелеяла меня не только в течение всего беспомощного детства и опрометчивой юности моей, но и в зрелом возрасте, по настоящий день. Даровав мне жизнь, ты в то же время позаботился о том, чтобы твой сын в этом мире, каков он есть, имел все способы существовать и развиваться, а без этой твоей заботливости я сотни раз оказался бы на краю гибели. В моем уме стремление к теоретическим исследованиям сущности бытия преобладало слишком решительно для того, чтобы я ради обеспечения своей особы мог, насилуя свой ум, предаться какой-нибудь иной деятельности и поставить себе задачею добывание хлеба насущного. По-видимому, именно в предвидении этого случая ты понял, что твой сын не способен ни пахать землю, ни тратить силы на механическое ремесло. Равным образом ты, гордый республиканец, понял, что сыну твоему чужд талант соперничать с ничтожеством и низостью, или пресмыкаться перед чиновниками, меценатами и их советниками в тех видах, чтобы подло вымаливать себе кусок черного хлеба, или же, наконец, подлаживаясь к надутой посредственности, смиренно присоединяться к славословящей ее толпе писак и шарлатанов. Ты понял, что твоему сыну скорее свойственно, вместе с почитаемым тобою Вольтером, думать: “Так как нам дано лишь два дня жизни, то не стоит труда проводить их в ползании перед презренными плутами”. Поэтому посвящаю тебе мое творение и шлю тебе, за пределы могилы, благодарность, которою обязан лишь тебе одному и никому иному. Тем, что силы, дарованные мне природою, я мог развить и употребить на то, к чему они были предназначены; тем, что последовав прирожденному влечению, я мог без помехи работать в то время, когда мне никто не оказывал содействия, – всем этим я обязан тебе, мой отец: твоей деятельности, твоему уму, твоей бережливости и заботливости о будущем. За это хвала тебе, мой благородный отец! Пусть же всякий, кто в моем творении найдет для себя радость, утешение и поучение, услышит твое имя и узнает, что если бы Генрих-Флорис Шопенгауэр был не тем человеком, каким он был в действительности, то Артур Шопенгауэр успел бы сто раз погибнуть. Итак, да сделает моя благодарность то единственное, что в состоянии сделать для тебя я, которого ты создал: да разнесется имя твое так далеко, как только в состоянии будет разнестись мое имя”.

ГЛАВА II

Артур Шопенгауэр поступает в университет. – Раннее проявление шопенгауэровского пессимизма. – Университетские годы Шопенгауэра. – Его литературные знакомства. – Охлаждение отношений между Шопенгауэром и матерью

После смерти мужа Анна Шопенгауэр переселилась со своей восьмилетней дочерью в Веймар: меркантильный Гамбург был ей антипатичен, ее влекло в тогдашнюю “резиденцию муз”. Она прибыла в этот город за два дня до сражения при Иене, и несколько месяцев спустя, несмотря на тогдашние смутные времена, благодаря своей общительности, любезности и талантливости успела уже познакомиться и сблизиться почти со всеми тогдашними веймарскими знаменитостями. Несмотря на некоторое расстройство дел ее мужа за последнее время его жизни он все же оставил семье настолько значительное состояние, что вдова его могла вести довольно открытый и широкий образ жизни. В ее доме собирались по два раза в неделю такие люди, как Гете, Виланд, Гримм, братья Шлегели, князь Пюклер и другие. Она нашла даже доступ к тогдашнему веймарскому двору, пользовалась дружбой и расположением герцога Карла-Августа и его супруги, герцогов Саксен-Кобург-Готских, наследного принца Мекленбург-Шверинского и других. Несколько лет спустя она выступила, и притом не без успеха, на литературном поприще.

Тем временем Артур Шопенгауэр, глубоко потрясенный смертью отца, из уважения к памяти последнего продолжал еще некоторое время столь ненавистную ему коммерческую карьеру. Правда, делал он это больше для вида: сидя за своей конторкой и разложив конторские книги, он втайне от своего принципала читал френологию Галля или какую-либо другую подобную книгу. Но наконец и для него пробил час избавления: его мать прочла одно из его писем, в котором Артур горько жаловался на свою судьбу одному из своих веймарских друзей, Фернову. Тот убедил мать не противиться влечению сына, не принуждать его к продолжению коммерческой деятельности и позволить ему поступить в университет. Шопенгауэр, чуждый всякой сентиментальности, заплакал от радости, получив письмо матери, в котором та предоставляла полный простор его природным влечениям. По совету того же Фернова, он переехал в Готу, где профессор Деринг взялся подготовить его по латинскому языку для поступления в университет, а профессор Якобс занялся с ним немецкой литературой. Оба они отзывались с величайшей похвалой о замечательных способностях своего ученика. Но он позволил себе кое-какие насмешки над некоторыми из гимназических учителей, и те, узнав об этом, не допустили его к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Тогда он решил перебраться в Веймар и там продолжать подготовку к университету; однако, по желанию матери, он не поселился в ее доме. Интересны мотивы, заставившие эту женщину, искренне любившую своего сына, отказаться от совместного с ним жительства. Вот что она пишет по этому поводу Артуру, которому было в то время 19 лет от роду:

“Для моего счастья необходимо знать, что ты счастлив; но мы можем оба быть счастливы и живя врозь. Я не раз говорила тебе, что с тобой очень трудно жить, и чем больше я в тебя всматриваюсь, тем эта трудность становится для меня очевиднее. Не скрою от тебя того, что, пока ты остаешься таким, какой ты есть, я готова решиться скорее на всякую иную жертву, чем на это. Я не отрицаю твоих хороших качеств; меня отдалают от тебя не твои внутренние качества, а твои внешние манеры, твои привычки, взгляды и суждения; словом, я не могу сойтись с тобой ни в чем, что касается внешнего мира. На меня производят также

поистине подавляющее действие твое вечное недовольство, твои вечные жалобы на то, что неизбежно, твой мрачный вид, твои странные суждения, высказываемые тобою, точно изречения оракула; все это гнетет меня, но нимало не убеждает. Твои бесконечные споры, твои вечные жалобы на глупость мира и на ничтожество человека мешают мне спать по ночам и давят меня, точно кошмар”.

Эти слова матери, адресованные девятнадцатилетнему юноше, в высшей степени характерны: они показывают, что задатки пессимизма, проходящего сквозь всю жизнь Шопенгауэра и сказывающегося чуть не в каждой строке его последующих произведений, весьма явственно и рельефно обнаружались в нем, к великому огорчению и неудовольствию его жизнерадостной матери, уже в таком возрасте, в котором мир для других людей обыкновенно представляется еще в самом радужном свете. Девятнадцатилетний пессимист поселился в Веймаре отдельно от жизнерадостной, общительной матери.

Молодой человек энергично стал стремиться к достижению намеченной цели. Уроки нескольких дельных профессоров и прирожденная способность к изучению языков позволили ему довольно быстро пополнить свое одностороннее и далеко не систематическое первоначальное образование. Поселившись в доме известного в свое время филолога Пассова, он под его руководством делал быстрые успехи в знакомстве с классическими языками и с классической древностью; кроме того, Артур занимался латинской грамматикой и латинским синтаксисом у знаменитого латиниста Ленца, директора веймарской гимназии, пополняя в то же время свои исторические и математические познания. С замечательным рвением юноша работал не только целыми днями, но и по ночам, и когда он в 21 год поступил в славный тогда Геттингенский университет, то оказался настолько основательно и многосторонне подготовленным к слушанию университетских лекций, как немногие из его товарищей.

Сначала он записался на медицинский факультет и слушал лекции по естественной истории, но вскоре под влиянием Г. Е. Шульца заинтересовался философией и перешел на философский факультет. Этот Шульц имел самое решительное и благотворное влияние на будущего знаменитого философа. Он посоветовал Артуру прежде всего заняться тщательным изучением Платона и Канта и не брать в руки ни Аристотеля, ни Спинозу, пока он не ознакомится основательно с вышеназванными двумя мыслителями. Так, по крайней мере, Шопенгауэр сам передает это в набросанных им впоследствии автобиографических заметках. В Геттингене Шопенгауэр пробыл с 1809 по 1811 год, и здесь из университетских товарищей своих особенно близко сошелся с знаменитым впоследствии Бунзеном. Будучи нелюдим по природе, он не принимал почти никакого участия в обычной шумной студенческой жизни, и круг его знакомства ограничивался лишь очень немногими товарищами, к числу которых принадлежали поэт Эрнст Шульце, некто Люкке и американец Астор, сделавшийся впоследствии архимиллионером. Во время каникул Артур предпринимал экскурсии в Гарц, в Веймар и в Эрфурт, где ему пришлось побывать во время знаменитого эрфуртского конгресса и быть отчасти очевидцем раболепия германских владетельных князей перед Наполеоном I. Но этот молодой мыслитель, уже носившийся в то время с планом своего будущего капитального труда о “мире как воле”, по-видимому, не слишком-то интересовался этой волей, воплотившейся в человека и называемой Наполеоном. Гораздо более интересовал будущего знаменитого философа другой человек, гений которого представлял собою прямой контраст с гением Наполеона: он еще в доме матери познакомился с Гете, который отнесся в высшей степени благосклонно к молодому человеку, и с этих пор стал питать к нему, вопреки основным свойствам своего характера, восторженное благоговение, называя его самым великим человеком германского народа.

В 1811 году двадцатитрехлетний Шопенгауэр переселился из Веймара в Берлин, куда его влекла громко гремевшая в это время философская репутация Фихте; но уже в это время у молодого философа сложилась слишком самостоятельная манера мышления, для того чтобы

всецело идти по стопам этого мыслителя, часто ударявшегося, по мнению Шопенгауэра, в софистику. Он очень прилежно посещал лекции Фихте, неоднократно вступал с последним в диспуты во время коллоквиумов, устраиваемых последним; но уже вскоре априорное преклонение его перед Фихте, по его собственным словам, уступило место пренебрежению и насмешке. Одновременно с философией он усердно продолжал изучать в Берлине и естественные науки: физику, химию, астрономию, геогнозию, физиологию, анатомию, зоологию; он не пренебрегал также классическими языками, слушая лекции Вольфа, Бека, Бернгарди и других; только юриспруденция и богословие не привлекали его, и в этом отношении в его образовании оказался значительный пробел, сказывавшийся во всей его последующей деятельности. Гораздо более лекций Фихте интересовали его лекции Шлейермахера по истории средневековой философии, хотя он находил последние не чуждыми поэтической окраски. Наконец он прослушал также курс по скандинавской поэзии, читал классических писателей Возрождения – Монтеня, Рабле и других.

Тогдашние смутные времена были, однако, не особенно благоприятны для мирных научных занятий. Во время пребывания Шопенгауэра в Берлине стала меркнуть ярко блестящая до сих пор звезда Наполеона, и всей Германией, не исключая и университетских кружков, овладел пламенный патриотический энтузиазм. Но Шопенгауэр, несмотря на свои 24 года, был настолько чужд этого энтузиазма, что впоследствии даже навлек на себя упреки в недостатке патриотизма. Он уже собирался держать в Берлине докторский экзамен, когда сомнительный исход сражений при Бауцене и Люцене заставил его покинуть Берлин и искать более спокойного для его научных занятий убежища в Саксонии. Во время двенадцатидневного бегства в Дрезден он очутился в самом разгаре военной сутолоки; бургомистр одного городка, узнав случайно, что Шопенгауэр хорошо владеет французским языком, обратился к его услугам, и ему пришлось взять на себя роль переводчика. Лето Артур провел в деревне недалеко от саксонского городка Рудольштадта, где он, среди окружавшего его военного шума, обдумывал план своего сочинения “О четверояком корне закона достаточного основания”. В начале октября Йенский университет, на основании присланной Шопенгауэром диссертации, заочно провозгласил его доктором философии, а на зиму он переселился к матери, в Веймар. Но здесь различие между характерами матери и сына сказалось сильнее, чем когда-либо. Умная, образованная, даже в известной мере талантливая Анна Шопенгауэр не могла понять и переносить обособленности и мизантропии своего сына. К этому различию в характерах присоединялось еще и то, что Шопенгауэр, бережливый и расчетливый с юных лет, не одобрял слишком широкого, по его мнению, образа жизни матери: он сознавал, и не без основания, что та деятельность, к которой он чувствовал влечение и к которой считал себя призванным, вряд ли в состоянии будет обеспечить его материальное существование, и поэтому особенно дорожил сохранением в возможной неприкосновенности оставленного отцом семейству состояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.